

DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.1.11>

UDC 314.925
LBC 60.7

Submitted: 04.01.2021
Accepted: 05.02.2021

ETHNO-DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF THE SETTLEMENT NETWORK OF ROSTOV REGION: TRENDS OF THE EARLY 21ST CENTURY¹

Sergey Ya. Suschiy

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the rates and scale of the ethno-demographic dynamics of the settlement network in Rostov region. The study shows a significant slowdown of the process of replacement of the Russian core population with representatives of large ethnic communities in the early 21st century. However, in the early 2010s, about 500 localities (a quarter of the total number) were already involved in this process. This process was the most intensive in localities with up to 100 inhabitants. In 2010, more than 11% of such settlements have already gone through a radical ethno-demographic transformation of their population or were close to its completion. Among the settlements with the population of 101–300 people the number of such settlements was 3.9%; among the settlements with 301–1000 people this share was 1.2%. There were no large settlements (more than 1 thousand inhabitants) that went through a radical replacement of their core population by new one in the region. The bulk of the settlements which were involved in this transformation process were located in the southern and eastern areas of the region, where large communities of the Meskhetian Turks, Chechens and the peoples of Dagestan settled. The conclusion is made that the process of ethno-demographic transformation of the settlement network of the region for the nearest future will remain limited to the level of small settlements, and geographically to the south and east of the region. However, by 2030–2035, large groups of settlements that have almost completely lost their core Russian population and have a high level of social economic and cultural specificity may appear in the region. Local authorities will face a difficult task of a complex optimization of interaction of such territorial and ethnic areas with regional society.

Key words: Rostov region, settlement network, ethnic communities, core population, ethno-demographic transformation, natural reproduction, migration processes.

Citation. Suschiy S. Ya., 2021. Ethno-Demographic Dynamics of the Settlement Network of Rostov Region: Trends of the Early 21st Century. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 9, no. 1, pp. 128-140. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.1.11>

УДК 314.925
ББК 60.7

Дата поступления статьи: 04.01.2021
Дата принятия статьи: 05.02.2021

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕНДЕНЦИИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА¹

Сергей Яковлевич Суций

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является анализ темпов, субрегиональной и расселенческой специфики этнодемографической динамики поселенческой сети Ростовской области. Исследование зафиксировало существенное замедление в начале ХХІ в. процесса замещения в поселениях региона русского старожильческого населения представителями крупных общин. Тем не менее в начале 2010-х гг. в данный процесс было уже вовлечено около 500 населенных пунктов области (четверть от общей численности). Наиболее интенсивно данный процесс протекал на нижнем уровне системы расселения – в населенных пунктах с числом жителей до 100 человек. В 2010 г. более 11 % таких

© Суций С.Я., 2021

поселений уже прошли через кардинальную этнодемографическую трансформацию своего населения или были близки к ее завершению. Среди поселений численностью населения 101–300 чел. таких было 3,9 %; среди поселений численностью 301–1000 чел. – 1,2 %. Крупных населенных пунктов (больше 1 тыс. жителей), прошедших через кардинальное замещение старожильческого населения, в области не было. Основная масса поселений, вовлеченных в этот трансформационный процесс, располагалась в южных и восточных районах области, где локализовались крупные общины турок-месхетинцев, чеченцев и народов Дагестана. Делается вывод, что процесс этнодемографической трансформации поселенческой сети региона на всю обозримую перспективу останется ограниченным уровнем малых и небольших поселений, а территориально – югом и востоком области. При этом уже к 2030–2035 гг. в регионе могут появиться достаточно обширные группы поселений почти полностью утративших старожильческое население и обладающих высоким уровнем социально-экономической и социокультурной специфики. Перед местной властью встанет сложная задача комплексной оптимизации взаимодействия таких территориально-этнических ареалов с региональным социумом.

Ключевые слова: Ростовская область, поселенческая сеть, этнические общины, старожильческое население, этнодемографическая трансформация, естественное воспроизводство, миграционные процессы.

Цитирование. Суций С. Я., 2021. Этнодемографическая динамика поселенческой сети Ростовской области: тенденции начала XXI века // Региональная экономика. Юг России. Т. 9, № 1. С. 128–140. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.1.11>

Постановка проблемы

Проблемы демографической, этнонациональной, расселенческой динамики населения Ростовской области не обделены вниманием научного сообщества. Тем более, что с данными аспектами функционирования регионального социума связаны многие значимые проблемы его современного социально-экономического развития [Концепция демографической политики ... , 2009]. Ростовская область, являясь одним из крупнейших по численности населения российских регионов, на протяжении всего постсоветского периода характеризуется максимальными (в пределах всего южного макрорегиона) темпами естественной депопуляции [Раужин, 2011; Розин, Суций, 2011].

В центре внимания специалистов находились варианты стабилизации демографической ситуации в области [Богачев, Кизицкий, 2009; Кизицкий, 2005]; кратко- и среднесрочные прогнозы динамики ее населения [Бенклян, 2016; Суций, 2017; Демографические аспекты ... , 2014]; направления и масштабы его миграционной активности [Денисова, 2016]. Привлекали внимание исследователей и сдвиги в этнонациональной структуре областного населения [Розин, Суций, 2011], существенно усиленные системными реформами российского общества конца XX – начала XXI века. Вместе с тем ряд вопросов обширного комплекса проблем демографического развития Ростовской области требует более детального изучения. К их числу относится и анализ основных трендов этнодемографической динамики современной расселенческой сети региона.

Этнодемографическая динамика региональной поселенческой сети

Исследование этнодемографической динамики населения Ростовской области обнаруживает устойчивую доминанту русского населения (его доля в последние 60–80 лет сохраняется на уровне 89–91 %) [Розин, Суций, 2011: 33]. Таким образом, на диаспоры в сумме приходится только одна десятая населения региона. Но если совокупная доля этнических меньшинств оставалась величиной, близкой к константе, то соотношение отдельных диаспор и их общая иерархия в постсоветский период изменились весьма существенно (см. табл. 1).

Как уже отмечалось, в постсоветский период Ростовская область характеризовалась максимальными (в пределах южного макрорегиона) размерами естественных потерь населения. Причем в первую очередь они были связаны с убылью русских. За 2002–2010 г. их число сократилось в области на 140 тыс. человек. В 2011–2020 гг. в результате естественной убыли область потеряла еще 3,3 % своего населения. У русских региона данный показатель был еще выше и по нашим расчетам за последнее десятилетие мог составить 4,3–5 % от общей их численности (около 160–180 тыс. чел.).

В такой ситуации ощутимое сокращение удельного веса русских в национальной структуре населения региона может представляться практически неизбежным. Однако и ведущие областные диаспоры в 2000–2010-е гг. демонстрировали разнонаправленную естественную динамику. При этом одна из двух крупнейших общин (украинцы) характеризовалась стреми-

Численность ведущих этнических групп Ростовской области (1989–2010 гг.), тыс. чел.

Этнические группы	Число (тыс. чел.)			Доля (%)		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Русские	3 844,3	3 934,8	3 795,6	89,60	89,30	88,70
Армяне	62,6	110,0	110,7	1,46	2,50	2,59
Украинцы	178,8	118,5	77,8	4,17	2,70	1,82
Турки	0,08	28,5	35,9	–	0,65	0,84
Азербайджанцы	10,2	16,5	18,0	0,23	0,37	0,42
Цыгане	11,2	15,2	16,7	0,26	0,34	0,39
Белорусы	38,0	26,6	16,5	0,88	0,60	0,39
Татары	17,1	17,9	13,9	0,39	0,41	0,32
Корейцы	7,1	11,7	11,6	0,17	0,27	0,27
Чеченцы	17,2	15,5	11,5	0,40	0,35	0,27
Грузины	6,6	10,6	8,3	0,15	0,24	0,19
Даргинцы	6,2	6,7	8,3	0,14	0,15	0,19
Молдаване	10,2	7,6	6,7	0,24	0,17	0,16
Немцы	7,5	6,8	4,2	0,17	0,15	0,10
Евреи	10,5	5,0	3,2	0,24	0,11	0,07

Примечание. Составлено по: [Всесоюзная перепись населения 1989 года; Всероссийская перепись населения 2002 года; Всероссийская перепись населения 2010 года].

тельным сокращением, связанным с ускоренной ассимиляцией, а репродуктивная активность второй (армяне) находилась на уровне простого естественного воспроизводства. За 2002–2010 гг. совокупный демографический потенциал десяти крупнейших диаспор Дона сократился на 13,5 % (с 371 до 321 тыс. чел.), тогда как потери областного русского населения ограничились 3,5 % его численности. Есть все основания полагать, что и в 2010-е гг. сохранилась данная тенденция параллельной абсолютной убыли русского и остального населения области. Следовательно, в целом сохранялось и удельное соотношение данных компонент без оправдания опасений ряда специалистов о возможной быстрой этнической дерусификации региона.

Но если в масштабах всего областного социума вероятность заметной трансформации его национальной структуры является минимальной даже в самой отдаленной перспективе, то в отдельных субрегионах области данная проблема приобретала актуальность уже в конце советского периода. В связи с этим отдельный интерес представляет анализ национальной структуры поселенческой сети как конкретных административных районов (или их групп), так и различных уровней всей системы расселения региона.

Как представляется, исследовать динамику и масштабы процесса трансформации национального состава поселений разного таксономи-

ческого ранга можно, используя в качестве основного индикатора долю в них русского населения, поскольку еще в начале 1970-х гг. поселенческая сеть Ростовской области характеризовалась высоким уровнем национальной однородности. Русские абсолютно доминировали в подавляющем большинстве сельских населенных пунктов на всех уровнях системы расселения – от малых хуторов до крупных сел и районных центров. Известным исключением являлся Мясниковский район, основу поселенческой сети которого составляли населенные пункты, основанные армянами, осевшими на нижнем Дону в конце XVIII века. Несколько старожильческих армянских поселений имелось и в Егорлыкском районе на юге области. В ряде районов, граничащих с Украинской ССР, обнаруживался повышенный удельный вес украинцев, но и он ограничивался 5–8 %. Доля русских в поселениях области всех таксономических уровней, как правило, превышала 90 %.

Таким образом, темпы и масштабы снижения данного показателя в последние 20–30 лет могут служить индикатором процесса этнонациональной трансформации как отдельных поселений, так и их территориальных множеств. Для проведения подобного исследования были использованы материалы последней Всероссийской переписи населения 2010 г. [База данных муниципальных образований ...]. Для оценки стадии этнодемографической трансформации отдельных поселений была принята следующая шкала

(табл. 2). Учитывая, что 2 225 из 2 248 населенных пунктов области (или 99 %) являются сельскими, речь, по сути, идет о динамике именно сельской поселенческой сети. Анализ этнодемографической динамики городской системы области в силу ее серьезной специфики предполагает проведение самостоятельного исследования.

Моноэтничность областной поселенческой сети ощутимо нарушается уже в последние десятилетия советского периода, с началом активного освоения пустынных восточных и юго-восточных районов области выходцами из республик Северо-Восточного Кавказа, специализированными на пастбищном животноводстве. За 1970–1989 гг. областная чеченская община выросла с 2,5 тыс. до 17,2 тыс. чел.; даргинская и аварская – соответственно с 0,45 тыс. до 6,2 тыс. и с 0,55 тыс. до 4,1 тыс. человек. Ориентированные на микрораселения (самый нижний уровень системы расселения), такие мигранты даже в небольшом количестве серьезно меняли национальную структуру места своего проживания. Таким образом, в значительном числе населенных пунктов юго-восточного и восточного субрегионов области начинается процесс этнодемографической трансформации старожильческого населения, который активизируется по мере социально-экономического укоренения переселенцев и пополнения этнических групп новыми мигрантами.

Системный кризис СССР и последующий распад государства вносят существенные коррективы в данный трансформационный процесс. С одной стороны, резко сокращается приток новых северокавказских переселенцев на юг и юго-восток области (с конца 1980-х гг. наблюдается даже некоторый отток представителей этих этнических общин на малую родину). С другой – множественные межнациональные конфликты, вспыхнувшие на постсоветском пространстве, и

социально-экономические проблемы новых государств ближнего зарубежья становятся причиной масштабного притока в область беженцев и вынужденных переселенцев. География их расселения охватывает уже весь Донской регион.

При этом многие этнические мигранты в силу своей профессиональной ориентации или материальных ограничений выбирают для жизни сельскую местность. Таким образом, процесс этнодемографической трансформации в той или иной степени распространяется на всю поселенческую сеть области. Но наиболее ощутимым остается на ее нижних уровнях, в малых и небольших населенных пунктах.

Среди множества национальностей, заметно увеличивших в первое постсоветское десятилетие представительство в региональном социуме, следует выделить армян и турок-месхетинцев. Армянская община за 1989–2002 гг. выросла с 62,6 до 110 тыс. чел., существенно расширив свою географию (если в конце 1980-х гг. в области было только 4 административных района, в которых проживало более 300 армян, то в 2002 г. таких уже было 28). Число турок-месхетинцев за этот же период выросло на два порядка – с 78 чел. до 28,5 тысяч. Практически все это множество осело в сельской местности, существенным образом изменив национальную структуру многих поселений своего компактного проживания (Мартыновский, Сальский, Волгодонской, Багаевский, Семикаракорский районы).

При этом в 1990-е гг. продолжался и процесс этнодемографической трансформации поселенческой сети, находившейся в зоне расселения крупных северокавказских общин. Характерный для 1988–1993 гг. отток их представителей в свои материнские республики остановился в середине 1990-х гг. и к концу данного десятилетия сменился новым пополнением. Однако масштабы его

Таблица 2

Процесс этнодемографической трансформации поселений Ростовской области

Доля русских в поселении, %	Стадия процесса этнодемографической трансформации населенного пункта
Более 85	Устойчивая национальная структура населения
75–85	Поселения на входе в процесс этнодемографической трансформации
60–75	Начальный этап трансформационного процесса
30–60	Стадия активной трансформации
20–30	Завершающая стадия трансформации
Менее 20	Поселения, завершившие процесс этнодемографической трансформации своего населения

Примечание. Составлено автором.

остались ограниченными. Положительная количественная динамика северокавказских этнических групп в поселениях юга и востока области уже в первую очередь определялась естественным воспроизводством. Если рождаемость у русского старожильческого населения данных субрегионов в конце 1990-х гг. опустилась до 9–11 ‰, то у представителей северокавказских общин она находилась на уровне 25–40 ‰. Показатели смертности соответственно составляли 13–15 и 5–6 ‰. Таким образом, даже без учета миграционного фактора местное русское население ежегодно теряло порядка 0,5–0,6 ‰ своей численности, а этнические общины росли на 2,0–3,5 ‰.

Между тем миграционный фактор продолжал играть существенную роль, прежде всего обнаруживаясь именно в демографической динамике поселений, вступивших в процесс активной этнонациональной трансформации. Появление и закрепление в населенном пункте значительной по его меркам иноэтнической группы, обладавшей существенной психоповеденческой, социокультурной и хозяйственной спецификой, активизировало отток старожильческого населения. Особенно когда удельный вес этнических переселенцев в территориальном сообществе достигал значительной величины. Ее конкретный уровень для отдельных поселений мог различаться в зависимости от множества факторов. При этом в любом случае сокращение доли русских до 60–70 ‰, тем более до 40–50 ‰, как правило, существенно ускоряло трансформационный процесс за счет роста миграционного оттока местного старожильческого населения.

Именно такой вариант этнодемографической динамики демонстрировали многие сельские поселения области в 2000–2010-е гг. – в период, для которого был характерен ограниченный масштаб внешнего пополнения крупных диаспор, включенных в процесс этнодемографической трансформации поселенческой сети региона.

Армянская и турецкая община в 2000-е гг. увеличили свои размеры соответственно на 0,7 ‰ и 26 ‰, а ведущие северокавказские диаспоры продемонстрировали разнонаправленную динамику – чеченская сократилась на 25,8 ‰, даргинская и аварская выросли соответственно на 23,9 ‰ и 13,8 ‰. Но в поселениях, уже включенных в процесс постепенного замещения старожильческого населения этническими переселенцами, данный процесс продолжался, хотя и не такими быстрыми темпами, как в конце XX века.

Анализ национальной структуры поселений области, выполненный с помощью представленной выше шкалы, обнаружил 103 населенных пункта (4,6 ‰ от общего числа), которые к началу второго десятилетия XXI в. уже прошли через кардинальную этнодемографическую трансформацию своего населения или находилось на стадии ее завершения. Еще 190 поселений (8,5 ‰) пребывали на активной стадии данного процесса, 207 (9,2 ‰) в этот процесс уже втянулись, хотя и находились на его начальной стадии (рис. 1).

Таким образом, почти четверть из 2,25 тыс. поселений области в 2010 г. уже находилась на разных стадиях этнодемографического транзита – более или менее быстрой трансформации национальной структуры своего населения. Наиболее интенсивно процесс замещения старожильческого населения, как уже отмечалось, протекал на нижнем уровне системы расселения – в населенных пунктах с числом жителей до 100 человек.

Что вполне закономерно – даже появление нескольких семей, представляющих другую национальность, было способно ощутимо изменить этническую структуру малых поселений. Между тем выбор мигрантов, особенно ориентированных на хозяйственную деятельность в сфере экстенсивного животноводства, как правило, был сориентирован именно на такие населенные пункты и наиболее пустынные сельские территории области. Как результат, именно малые по-

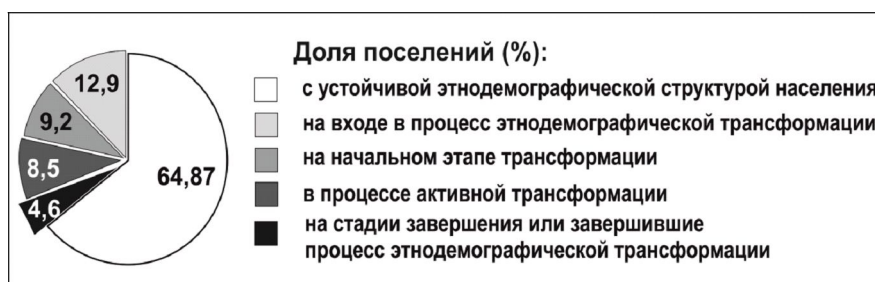

Рис. 1. Процесс этнодемографической трансформации поселенческой сети Ростовской области

Примечание. Здесь и далее – рисунки составлены по: [База данных муниципальных образований, 2020].

селения первыми сталкивались с проблемой масштабного (по меркам данного таксономического уровня) иноэтнического притока и постепенного замещения старожильского населения мигрантами.

К 2010 г. уже почти 11 % малых населенных пунктов области прошли через этнодемографическую трансформацию или были близки к ее завершению. Среди поселений с числом жителей 101–300 чел. таких было 3,9 %, среди населенных пунктов размером 301–1000 чел. только 1,2 %. В группе крупных сельских поселений (более одной тыс. жителей) таких пунктов к началу 2010-х гг. еще не было.

Соответственно различалась для разных таксономических рангов и доля населенных пунктов, находившихся в процессе активной трансформации (максимальной она была для небольших поселений – 11,3 %; минимальной для крупных – 3,7 %). В целом анализируемые показатели оказывались сближенными, с одной стороны, для малых и небольших поселений области (56–59,3 % населенных пунктов данных ран-

гов относилось к группе с устойчивой национальной структурой), а с другой – для средних и крупных (3/4 «устойчивых» поселений) (рис. 2).

Процесс этнодемографической трансформации был неравномерен не только по «вертикали» – между различными уровнями поселенческой сети области, но и в территориальном разрезе. В шести районах области в 2010 г. около 1/3–1/5 поселений имели в своем составе уже меньше 30 % русского населения. И только в одном из них (Мясниковский район) иноэтнические группы были представлены местными армянскими старожилами. В Заветинском, Зимовниковском, Дубовском, Мартыновском и Ремонтненском районах русское старожильское население таких поселений было замещено этническими мигрантами в первом-втором поколении. В целом по области поселения, прошедшие через процесс этнодемографической трансформации (и/или его завершавшие), имелись уже в 26 районах из 43, в 37 районах были населенные пункты, которые находились на активной стадии данного процесса. И оставался только один район (Усть-Донец-

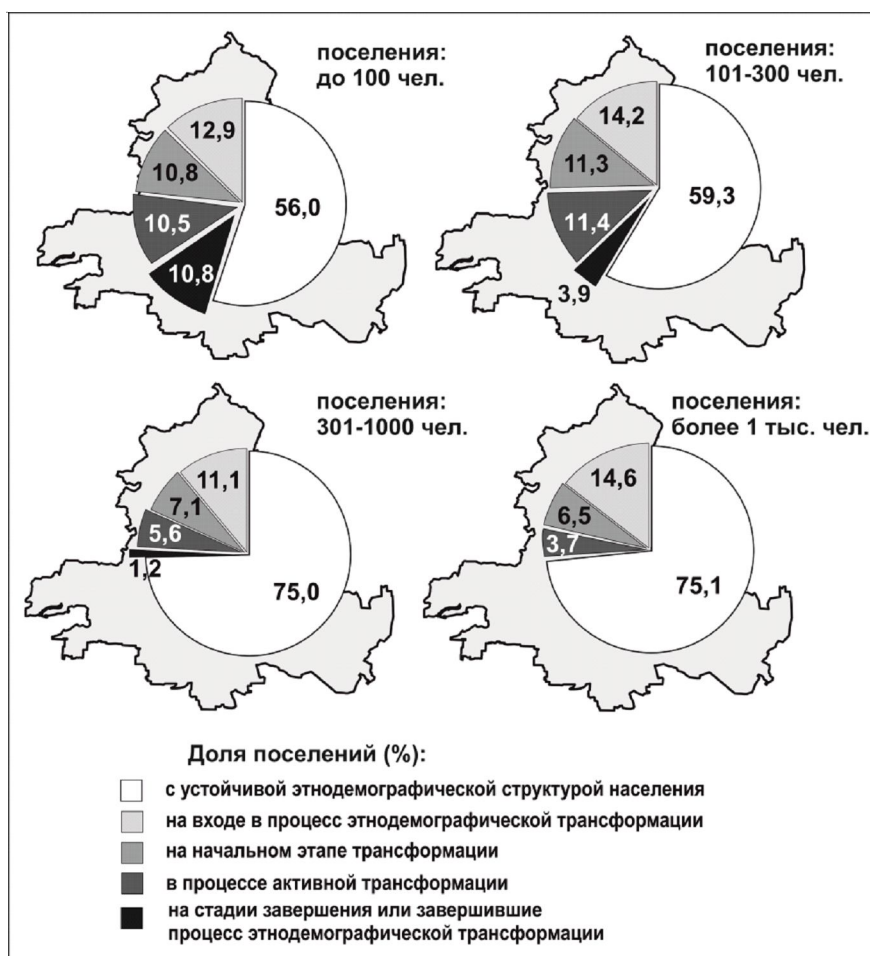

Рис. 2. Процесс этнодемографической трансформации поселенческой сети Ростовской области (по таксономическим рангам населенных пунктов)

кий), не имевший поселений, активно включенных в процесс смены своего старожильческого населения (рис. 3).

Вместе с тем на значительной части территории области число населенных пунктов, в которых доля русского населения опустилась ниже 60 %, все еще оставалось ограниченным. В целом активность процесса этнодемографической трансформации поселенческой сети нарастала в восточном и юго-восточном направлениях. При этом его неравномерность отчетливо обнаруживалась и на различных уровнях системы расселения в пределах самих административных районов.

Показательна в этом отношении этнодемографическая ситуация в малых (до 100 чел.) поселениях. В Ремонтненском районе практически не осталось населенных пунктов данного размера, которые сохранили бы свое старожильческое население (2/3 завершили свою этнодемографическую трансформацию или находились на заключительной ее стадии, еще 1/3 характеризовались интенсивным течением данного процесса). В Заветинском, Зимовниковском, Про-

летарском районах 57–75 % малых поселений уже прошли или завершали такую трансформацию; в Дубовском, Обливском, Егорлыкском районах таких поселений было 41–45 %. В общей сложности в пределах южного, юго-восточного и северо-восточного субрегионов области насчитывалось 10 районов, в которых треть и более малых поселений к 2010 г. была уже этнически дерусифицирована (русские составляли менее 30 % их жителей).

Обратной была этнодемографическая ситуация в остальных частях региона. Большинство (55–80 %) малых поселений западных и центральных районов области имело в своем населении незначительное число этнических мигрантов и характеризовалось устойчивой национальной структурой с долей русских более 85 % (см. рис. 4).

Анализ этнодемографической ситуации в небольших поселениях (101–300 чел.), относящихся к различным субрегионам области, обнаруживает достаточно широкое распространение процесса замещения старожильческого населения этническими группами и на данном таксоно-

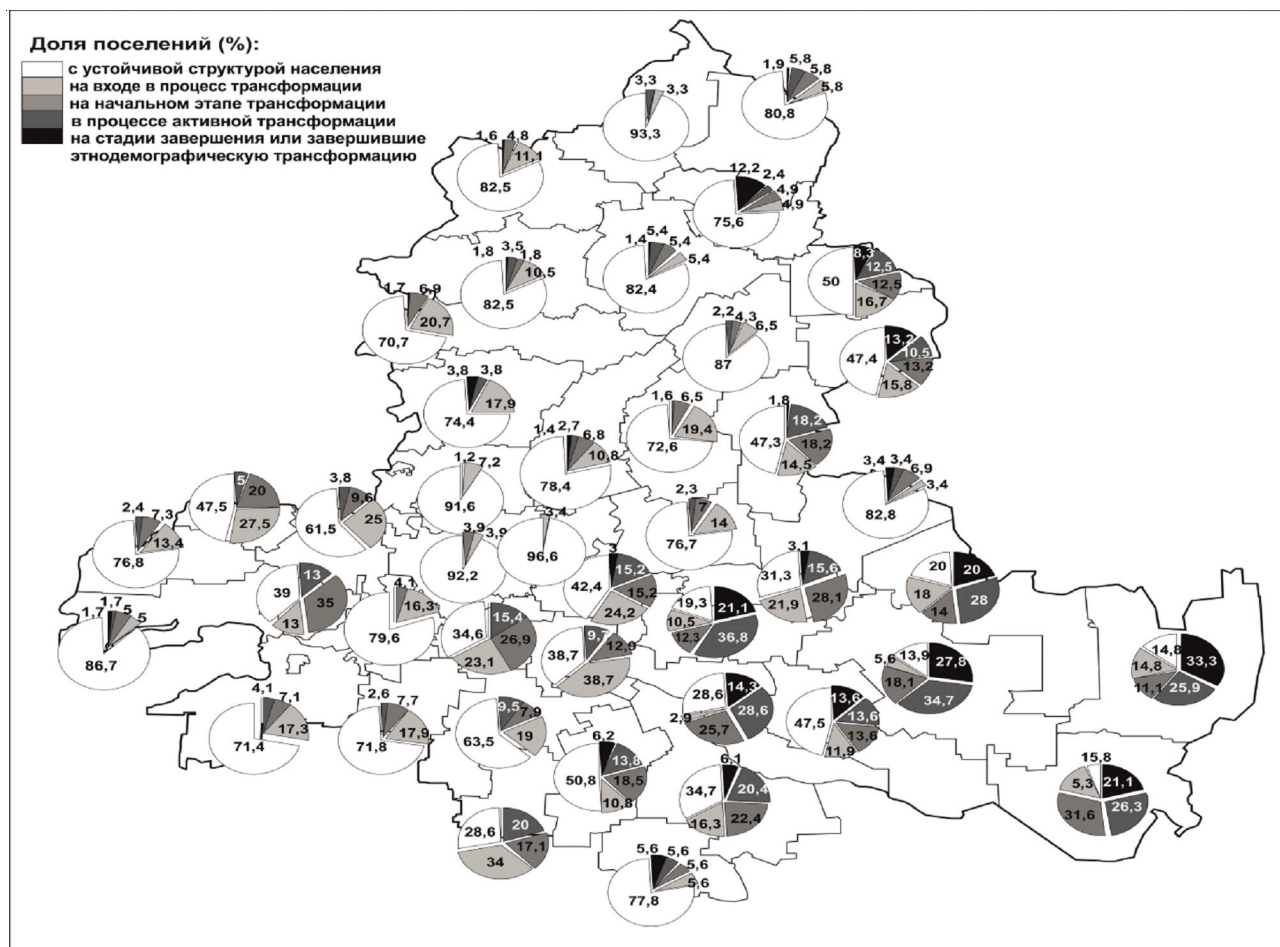

Рис. 3. Процесс этнодемографической трансформации поселений районов Ростовской области, %

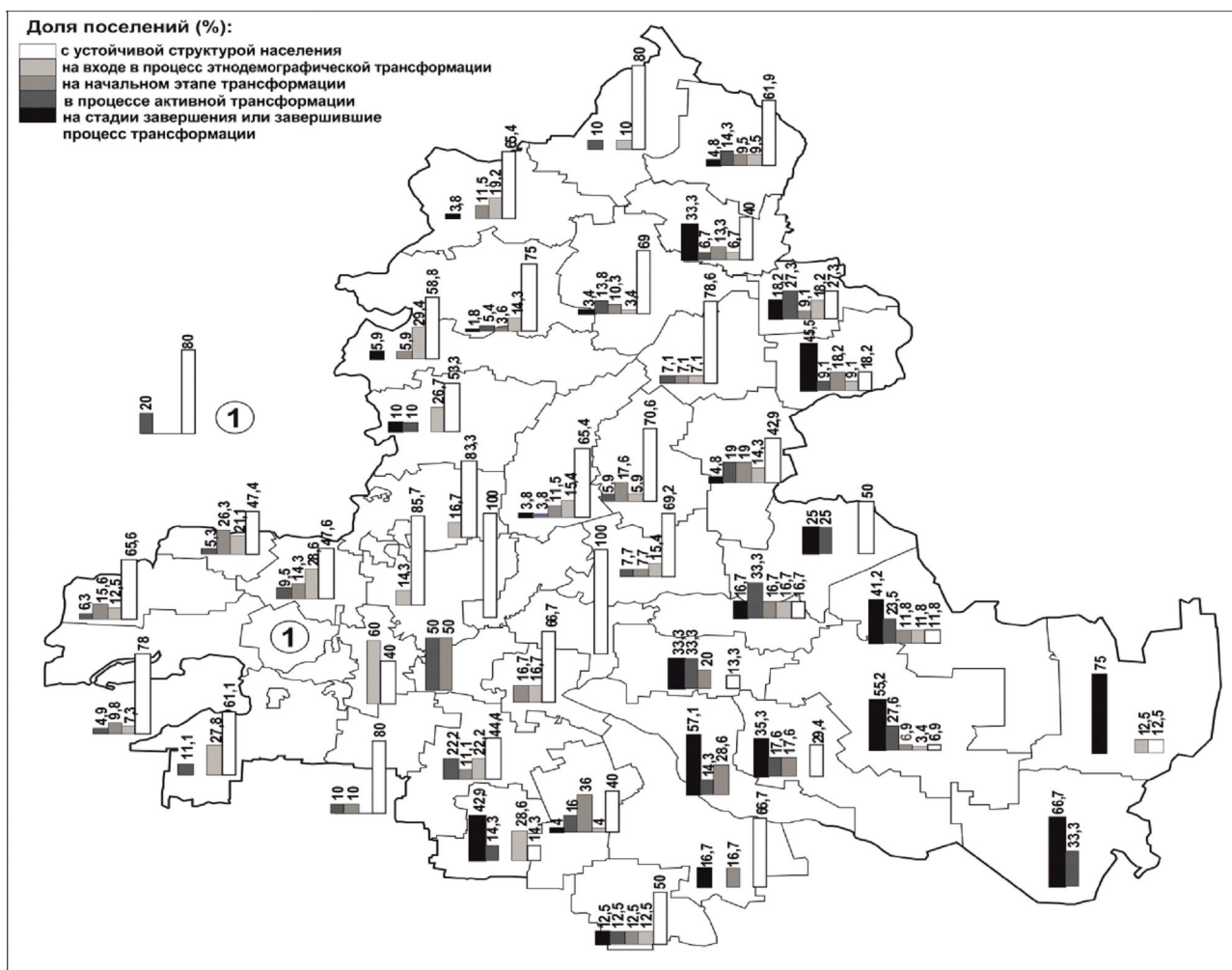

Рис. 4. Процесс этнодемографической трансформации поселений районов Ростовской области с числом жителей меньше 100 чел., %

мическом уровне системы расселения. Одна из причин – появление в постсоветский период в пределах сельских территорий области множества локальных групп этнических мигрантов (в том числе беженцев и вынужденных переселенцев), ориентированных на разнообразные, достаточно интенсивные формы сельского землепользования, уже не связанного с пастбищным животноводством. Однако и представители крупных «скотоводческих» общин в процессе расширения своего расселенческого ареала в пределы более заселенных субрегионов области и демографического освоения более высоких уровней поселенческой сети районов своей максимальной концентрации также могли менять (дополнять) сферы экономической специализации.

Как результат, среди поселений размером 100–300 чел. в ряде юго-восточных и восточных районов области немалая их часть оказалась втянута в процесс этнодемографической трансформации. На активной и завершающей стадии

данного процесса находились все населенные пункты Заветинского района, 62–76 % Дубовского, Зимовниковского, Пролетарского; 50–55 % Мартыновского и Морозовского районов (см. рис. 5). В целом поселения, прошедшие через кардинальную этнодемографическую трансформацию, имелись в 13 районах области. Однако если в большинстве южных и юго-восточных районов области небольших населенных пунктов, характеризующихся устойчивой национальной структурой в 2010 г. оставалось немного, то на севере и западе области их доля, как правило, составляла 75–95 %.

Территориальный анализ сельских поселений среднего размера (301–1 000 чел.) также обнаруживает концентрацию населенных пунктов, вовлеченных в процесс этнодемографической трансформации, в наименее заселенных южных и восточных районах области. Однако на данном таксономическом уровне уже практически отсутствовали поселения, прошедшие полный цикл дан-

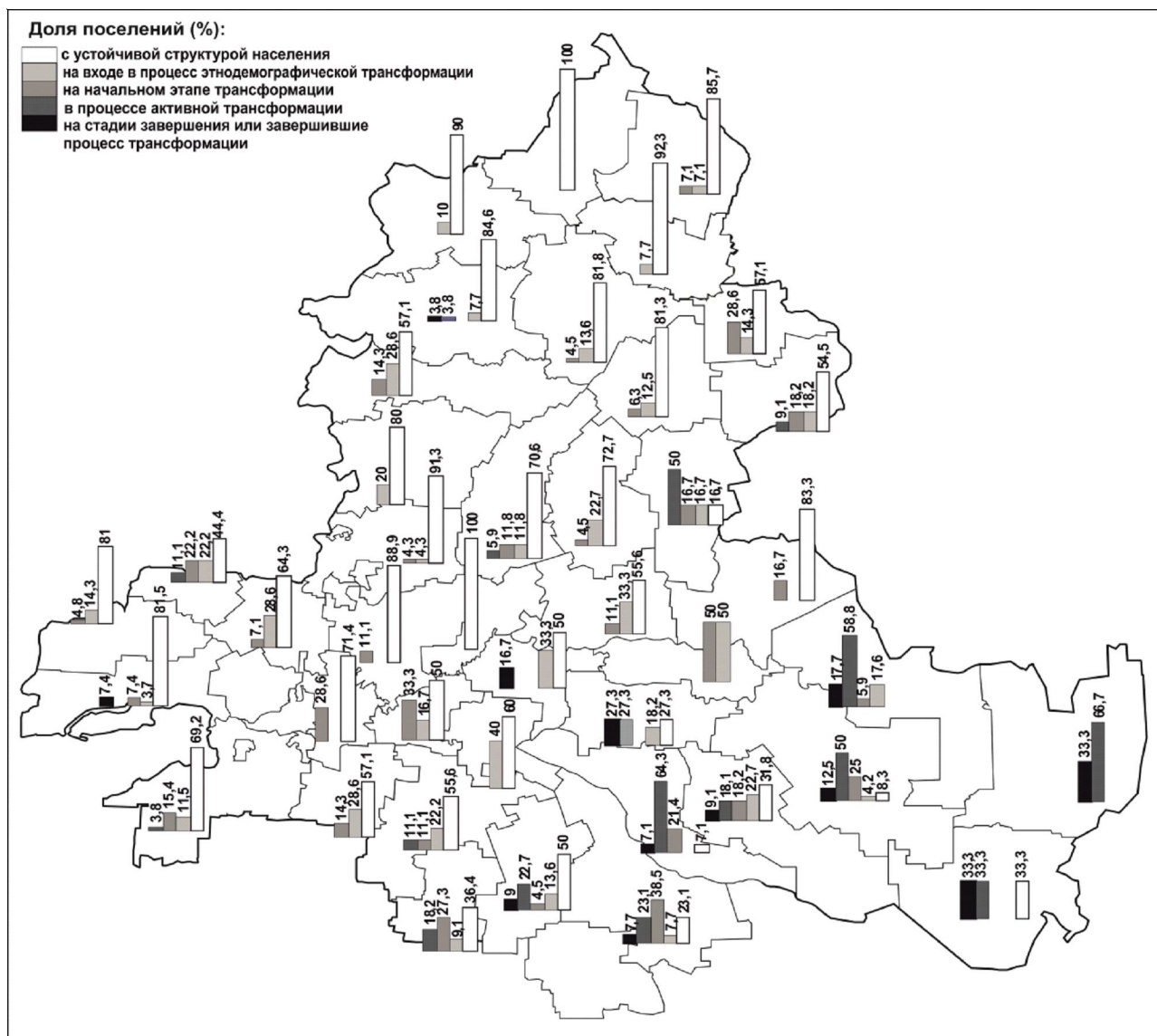

Рис. 5. Процесс этнодемографической трансформации поселений районов Ростовской области с числом жителей 101–300 чел., %

ного процесса или близкие к его завершению. Во всей области из 656 было только 7 таких поселений. По одному в Зимовниковском, Сальском, Ремонтненском районах. Четыре таких населенных пункта располагались в Мартыновском районе – территориальном эпицентре донской общины турок-месхетинцев, одной из особенностей локализации которых являлось расселение крупными группами (несколько десятков или даже 100–250 чел.). Появление такой группы могло заметно (если не кардинально) изменить национальную структуру не только малого, но и среднего поселения.

Как результат, переселение турок-месхетинцев в начале 1990-х гг. в Ростовскую область и их концентрация в Мартыновском районе практически одновременно изменили национальную струк-

туру значительного числа местных поселений всех таксономических рангов. Процесс оптимизации возникшей в первое постсоветское десятилетие системы расселения месхетинцев в пределах Мартыновского района, перемещение их представителей между отдельными местными населенными пунктами мог ускорять или замедлять процесс их этнодемографической трансформации. При этом почти все они в той или иной степени уже были вовлечены в этот процесс. К 2010 г. 13 из 21 поселения района с числом жителей 301–1 000 чел. прошли, завершали или находились на активной стадии данного процесса и только три в него еще включились. Значительное число «средних» поселений, активно менявших национальную структуру населения в начале 2010-х гг., имелось и в ряде других восточ-

ных и юго-восточных районов области (6 – в Сальском, 5 – в Зимовниковском, 4 – в Дубовском, 3 – в Ремонтненском) (рис. 6). Таким образом, процесс этнодемографической трансформации в ощутимой степени затронул и средний уровень сельской системы расселения данных территорий.

Иной была ситуация на верхнем «этаже» сельской системы расселения. Среди крупных (более 1 тыс. жителей) поселений в области не было ни одного прошедшего полный цикл этнокультурной дерусификации (здесь мы не принимаем в расчет ряда населенных пунктов Мясниковского и Егорлыкского районов, в свое время основанных армянскими переселенцами и в значительной степени сохранивших до настоящего времени свою национальную структуру).

Вместе с тем в ряде районов востока и даже центра области ситуация постепенно изменялась. В Мартыновском районе 4 из 10 крупных

поселений в 2010 г. находились уже на стадии активной этнодемографической смены населения, в Волгодонском – 3 из 11, Семикаракорском – 3 из 14. Имелись такие населенные пункты в Багаевском, Сальском и Ремонтненском районах (см. рис. 7). Причем большинство этих поселений оказалось включенным в данный процесс после появления в них групп турок-месхетинцев. Значительно реже причиной становилось переселение в них с нижних этажей системы расселения представителей местных северокавказских общин. Последние, конечно, могли перемещаться из малых и средних в крупные населенные пункты своих и соседних районов. Однако таких внутренних переселенцев было немного. Оказавшись в крупных поселениях, они не могли сколько-нибудь заметно изменить их национальную структуру, а большим группам турок-месхетинцев это было под силу.

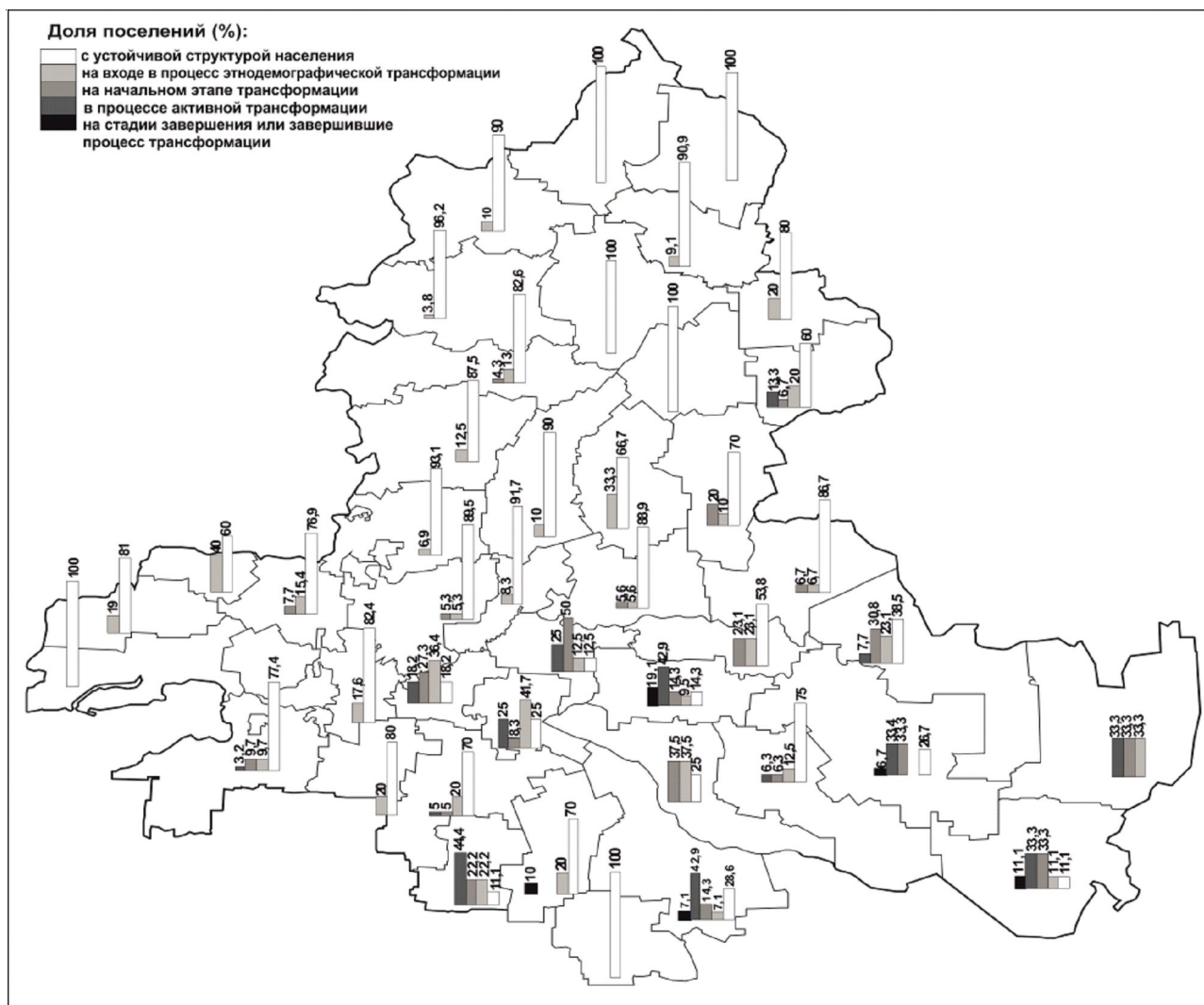

Рис. 6. Процесс этнодемографической трансформации поселений районов Ростовской области с числом жителей 301–1 000 чел., %

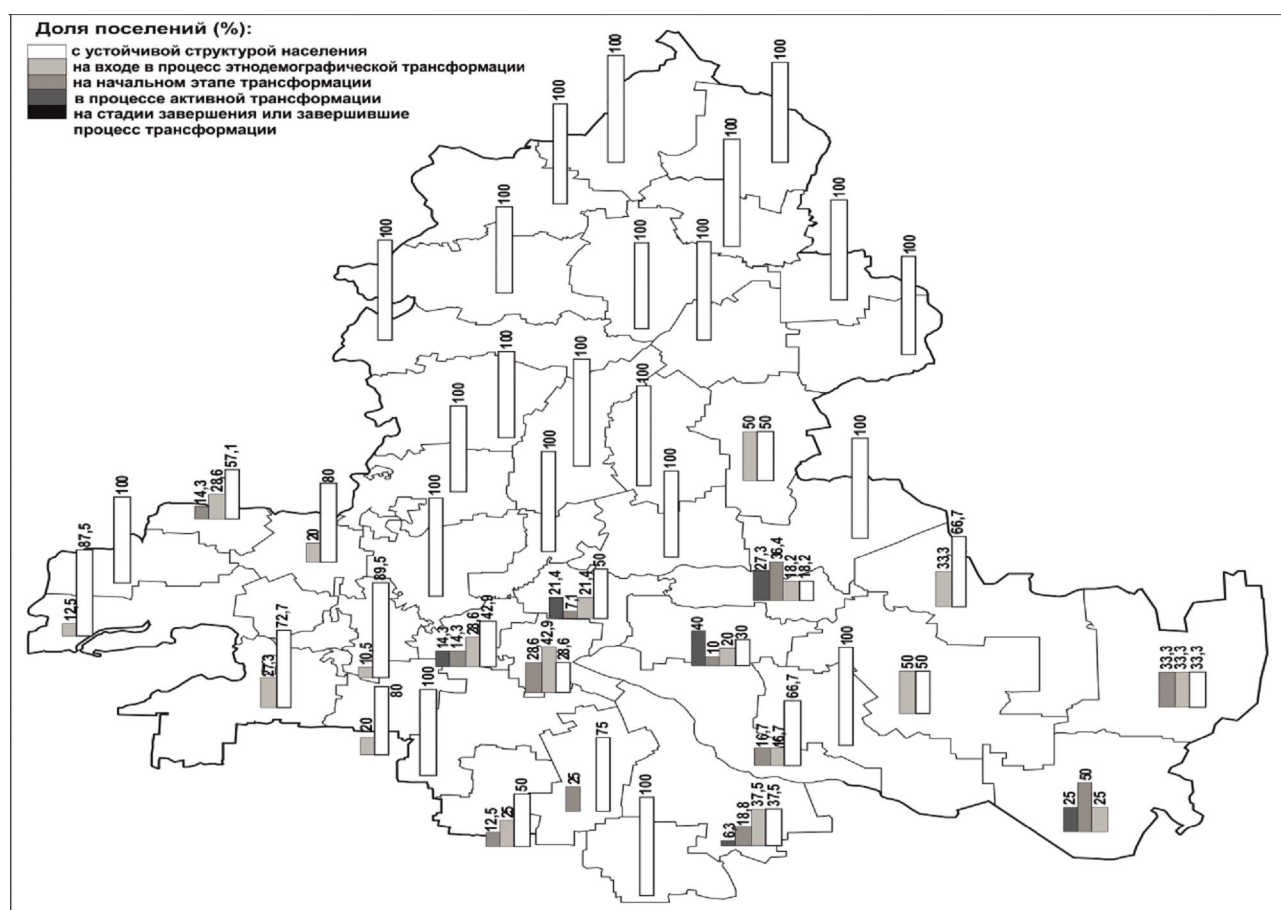

Рис. 7. Процесс этнодемографической трансформации поселений районов Ростовской области с числом жителей больше 1 тыс. чел., %

В целом уровень крупных сельских поселений оставался слабо вовлеченным в данный процесс. В 21 районе области (весь север, значительная часть центра) все населенные пункты данного таксономического ранга характеризовались устойчивой национальной структурой населения. Еще в 8 районах имелись крупные поселения, национальная структура которых в конце XX – начале XXI в. была изменена группами этнических мигрантов, но эти сдвиги были еще незначительны (доля русских 75–85 %), чтобы говорить о начале процесса их этнодемографической трансформации.

Результаты исследования

Анализ этнодемографической динамики поселенческой сети Ростовской области позволяет сделать вывод о том, что процесс замещения русского старожильческого населения представителями крупных этнических общин, начатый в последние десятилетия советского периода, в 2000–2010-е гг. существенно замедлился. В начале 2010-х гг. в данный процесс в той или иной

степени было вовлечено около 500 населенных пунктов региона, но только в 73 поселениях этнодемографическая трансформация уже завершилась (доля русских в населении была меньше 20 %), еще в 31 была близка к завершению (русских – 20–30 %); в 190 находилась в своей активной стадии (русских – 30–60 %). Основная масса таких населенных пунктов относилась к нижним уровням поселенческой сети и располагалась в южных и восточных районах области.

Учитывая отмеченное в последние 10–15 лет замедление вовлечения новых поселений в процесс этнодемографической трансформации, есть основания полагать, что последняя на всю обозримую перспективу останется в основном ограниченной уровнем малых и небольших поселений и преимущественно югом и востоком области. Вместе с тем населенные пункты, уже включенные в процесс смены старожильческого населения, продолжают движение по стадиям данного процесса и в течение ближайших 20–30 лет большинство из них может завершить свою этнодемографическую трансформацию, по сути, превратившись в территориально-этнические

сообщества. Еще более повышает значимость данной проблемы то, что в ряде случаев речь идет не об отдельных населенных пунктах, но о значительных фрагментах поселенческой сети, охватывающих целые административные районы. Уже в среднесрочной перспективе (к 2030–2035 гг.) русские могут стать национальным меньшинством (менее 30 % жителей) в 45 поселениях Зимовниковского района (62,5 % его поселенческой сети), в 33 – Мартыновского (58 %), 24 – Дубовского (48 %), 16 – Заветинского (59 %), 15 – Пролетарского (43 %).

Повышенный уровень экономической, социокультурной специфики таких территориально-этнических ареалов поставит (и уже ставит) региональные власти перед серьезной задачей оптимизации форм взаимодействия данных сообществ с региональным социумом, обеспечения их комплексной интеграции в его жизнедеятельные циклы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания Южного научного центра РАН, № государственной регистрации проекта АААА-А19-119011190184-2 «Конкурентное, устойчивое и сбалансированное развитие южного макрорегиона: векторы социально-экономической модернизации и демографической динамики».

The publication was prepared as part of the implementation of the State Assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, No. of state registration of the project АААА-А19-119011190184-2 “Competitive, sustainable and balanced development of the southern macro-region: vectors of socio-economic modernization and demographic dynamics”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- База данных муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (дата обращения: 25.11.2020).
- Бенклян К. С., 2016. Анализ демографической ситуации в Ростовской области: современное состояние, перспективы развития // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 19 июля 2016 г.) / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза : Наука и Просвещение. С. 6–11.
- Богачев И. В., Кизицкий М. И., 2009. Демографические аспекты устойчивого развития регионов Южного Федерального округа // Известия высших учеб-

- ных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. № 2 (150). С. 116–119.
- Всероссийская перепись населения 1989 года // Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=45.
- Всероссийская перепись населения 2002 года // Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=42.
- Всероссийская перепись населения 2010 года. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=36.
- Демографические аспекты устойчивого развития Ростовской области, 2014 / А. Д. Хаванский [и др.] // Наукоедение. Вып. 6 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-aspekty-ustoychivogo-razvitiya-rostovskoy-oblasti>.
- Денисова Г. С., 2016. Современные миграционные процессы в Южном федеральном округе // Наука Юга России. № 3. С. 101–110.
- Кизицкий М. И., 2005. Демографическая составляющая устойчивого развития Ростовской области // Научный альманах Южного федерального округа. Вып. 2. С. 34–42.
- Концепция демографической политики Ростовской области на период до 2025 года. URL: <http://old.donland.ru/?pageid=89880>.
- Раужин Е. Г., 2011. Демографический портрет Юга России // Вестник Оренбургского государственного университета. № 16 (135). С. 191–193.
- Розин М. Д., Суций С. Я., 2011. Юг России: этнодемографические и миграционные процессы (конец XX – начало XXI в.). Ростов н/Д : СКНЦ ВШ ЮФУ. 358 с.
- Суций С. Я., 2017. Прогноз демографического потенциала Ростовской области в первой половине XXI века // Региональная экономика. Юг России. № 3 (17). С. 119–131.

REFERENCES

- Baza dannyh municipal'nyh obrazovaniy* [Database of Municipalities]. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (accessed 25 November 2020).
- Benkler K.S., 2016. Analiz demograficheskoy situacii v Rostovskoj oblasti: sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya [Analysis of the Demographic Situation in the Rostov Region: Current State, Prospects of Development]. Gulyaev G.Yu., ed. *Ekonomika, upravleniye i pravo: innovatsionnoye resheniye problem: sb. st. III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 19 iyulya 2016 g.)* [Economics, Management and Law: Innovative Problem Solving: Collection of Articles of the III International Scientific and Practical Conference

- (Penza, July 19, 2016). Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., pp. 6-11.
- Bogachev I.V., Kisicki M.I., 2009. Demograficheskie aspekty ustoychivogo razvitiya regionov Yuzhnogo Federal'nogo okruga [Demographic Aspects of Sustainable Development of Regions of Southern Federal District]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: yestestvennyye nauki* [Proceedings of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Series: Natural Sciences], no. 2 (150), pp. 116-119.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda [All-Union Population Census of 1989]. *Nacional'nyj sostav naseleniya po regionam Rossii* [National Composition of the Population by Regions of Russia]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=45.
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda [All-Russian Population Census of 2002]. *Nacional'nyj sostav naseleniya po regionam Rossii* [National Composition of the Population by Regions of Russia]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=42.
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Naselenie po nacional'nosti, polu i subyektam Rossijskoj Federacii [All-Russian Population Census of 2010. Population by Nationality, Gender and Subjects of the Russian Federation]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=36.
- Khavansky A.D., Kizickij M.I., Latun V.V., Stokov D.V., 2014. Demograficheskie aspekty ustoychivogo razvitiya Rostovskoj oblasti [Demographic Aspects of Sustainable Development of the Rostov Region]. *Naukovedenie. Vyp. 6 (25)* [Science Studies. Issue 6 (25)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-aspekty-ustoychivogo-razvitiya-rostovskoy-oblasti>.
- Denisova G.S., 2016. Sovremennye migracionnye processy v Yuzhnom Federal'nom okruge [Modern Migration Processes in the Southern Federal District]. *Nauka Yuga Rossii* [Science of the South of Russia], no. 3, pp. 101-110.
- Kisicki M.I., 2005. Demograficheskaya sostavlyayushchaya ustoychivogo razvitiya Rostovskoj oblasti [The Demographic Component of Sustainable Development of the Rostov Region]. *Nauchnyj al'manah Yuzhnogo federal'nogo okruga* [Scientific Almanac of the Southern Federal District], iss. 2, pp. 34-42.
- Koncepciya demograficheskoy politiki Rostovskoj oblasti na period do 2025 goda* [The Concept of Demographic Policy of Rostov Region for the Period Until 2025]. URL: <http://old.donland.ru/?pageid=89880>.
- Rauzhin E.G., 2011. Demograficheskij portret Yuga Rossii [Demographic Portrait of the South of Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], no. 16 (135), pp. 191-193.
- Rozin M.D., Sushchij S.Ya., 2011. *Yug Rossii: etnodemograficheskie i migracionnye processy (konec XX – nachalo XXI v.)* [South of Russia: Ethno-Demographic and Migration Processes (Late XX – Early XXI Centuries)]. Rostov-on-Don, SKNTs VSh YuFU Publ. 358 p.
- Sushchij S.Ya., 2017. Prognoz demograficheskogo potenciala Rostovskoj oblasti v pervoj polovine XXI veka [Forecast of the Demographic Potential of the Rostov Region in the First Half of the XXI Century]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], no. 3 (17), pp. 119-131.

Information About the Author

Sergey Ya. Suschij, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, SS7707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>

Информация об авторе

Сергей Яковлевич Суцкий, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, SS7707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988>